

<https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0793-9-21-69>

<https://elibrary.ru/JQLFPL>

УДК 821.161.1.0 + 82-94

Научная статья / Research Article

This is an open access article
Distributed under the Creative Commons
Attribution-NoDerivatives 4.0
(CC BY-ND)

© 2024 Г. Т.А. БОГДАНОВА

**«НЕ КРУГОВОРОТ ЯВЛЕНИЙ
ПРОИСХОДИТ ВО ВСЕЛЕННОЙ,
А НАРАСТАНИЕ ЯВЛЕНИЙ...»
ПРОФЕССОР МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ
АКАДЕМИИ С.С. ГЛАГОЛЕВ
О СВОЕМ ОТЦЕ, Л.Н. ТОЛСТОМ
И СОХРАНЕНИИ ИСТОРИИ**

Аннотация: Статья знакомит с некоторыми эпизодами биографии и научной деятельности русского православного богослова, историка религии и религиозного философа, профессора Московской духовной академии Сергея Сергеевича Глаголева (1865–1937). Представлены обстоятельства, в которых началось и протекало его духовное формирование. Апологетика, как основная область исследований С.С. Глаголева, рассматривалась им в естественнонаучном аспекте, необходимом для формирования целостного христианского мировоззрения, основанного на системном знании действительности и правильном понимании окружающего мира. Научная позиция ученого богослова определила его стремление сократить дистанцию между православной верой и светской наукой, расширить «кругозор человечества», обратиться к взвешенному сопоставлению, с одной стороны, достижений науки и, с другой стороны — святоотеческой традиции. В качестве иллюстрации к общим наблюдениям прилагается текст актовой речи, произнесенной С.С. Глаголевым 1 октября 1902 г. на годовичном акте по случаю 89-й годовщины открытия Московской духовной академии «Бессмертие прошедшего. (Принцип сохранения явлений)».

Ключевые слова: С.С. Глаголев, естественно-научная апологетика, протоиерей С.И. Глаголев, Л.Н. Толстой, «Бессмертие прошедшего».

Информация об авторе: Татьяна Александровна Богданова — доктор церковной истории, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

E-mail: tabog@yandex.ru

© 2024. TAT'IANA A. BOGDANOVA

**“IT IS NOT THE CIRCULATION OF PHENOMENA
WHICH OCCURS IN THE UNIVERSE,
BUT THEIR ACCUMULATION...”
PROFESSOR OF MOSCOW THEOLOGICAL ACADEMY
SERGEI GLAGOLEV
ABOUT HIS FATHER, LEO TOLSTOY
AND THE PRESERVATION OF HISTORY**

Abstract: The article introduces some episodes of the biography and academic activity of the Russian Orthodox theologian, historian of religion and religious philosopher Sergei Sergeevich Glagolev. The circumstances in which his spiritual formation began and took place are presented. Apologetics, as the main area of research by S.S. Glagolev, was considered by him in the natural scientific aspect, necessary for the formation of a holistic Christian worldview based on a systematic knowledge of reality and a correct understanding of the world around us. The scientific position of the learned theologian determined his desire to shorten the distance between the Orthodox faith and secular science, expand the “horizon of humanity”, and turn to a balanced comparison, on the one hand, of the achievements of science and, on the other hand, of the patristic tradition. Attached is the text of the speech delivered by S.S. Glagolev on October 1, 1902 at a one-year event on the occasion of the 89th anniversary of the opening of the Moscow Theological Academy “The Immortality of the Past. (Principle of Conservation of Phenomena).”

Keywords: S.S. Glagolev, Natural Science Apologetics, Archpriest S.I. Glagolev, L.N. Tolstoy, “The Immortality of the Past”.

Information about the author: Tat’iana A. Bogdanova, DSc in Church History, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

E-mail: tabog@yandex.ru

Основной областью исследований Сергея Сергеевича Глаголева (1865–1937) — русского православного богослова, историка религии и религиозного философа, профессора Московской духовной академии — была апологетика.

Широко образованный ученый, разбиравшийся в сложной и специальной проблематике естественных религий, истории, философии и науке, Глаголев ревностно трудился почти на всех направлениях апологетики кон. XIX – нач. XX в. Созданные им труды по богословской, религиозно-исторической и естественнонаучной апологетики сохраняют значение и представляют интерес, несмотря на то что в исторической и фактической части они несколько устарели и не соответствуют в полной мере современному уровню естественнонаучных и исторических знаний [Казарян, с. 536].

В 1898 г. С.С. Глаголев, экстраординарный профессор Московской духовной академии по Кафедре введения в курс богословских наук, написал рецензию на книгу французского физика, астронома, математика, инженера Густава Адольфа Гирна (1815–1890) “Consequences philosophiques et metaphysique de la thermodynamique; Analyse elementaire de l’univers” («Философские следствия и метафизика термодинамики; элементарный анализ Вселенной»). В русском переводе и с предисловием С.И. Старынкевича (давшего средства на издание) книга вышла в 1897 г. под заглавием «Анализ вселенной в ее элементах». С.С. Глаголев, в частности, отметил важную и дорогую для него мысль, свидетельствующую о дерзновенности его воззрений:

Мы знаем только бесконечно малую часть бесконечно большой вселенной. <...> Пока мы рассматриваем его [пространство. — Т.Б.] как нечто слагающееся из трех измерений, оно представляется нам тянущимся по всем направлениям в бесконечность. Но может быть она только сторона, граница или предел какого-то нам неведомого четырехмерного пространства. Мы не можем его представить. Но не можем и отрицать его существования. <...> Мы имеем несомненные основания утверждать, что представляемый нами временно-пространственный мир менее похож на действительный, чем сколько отвечает действительности (в обычном смысле) представляющаяся нашим взорам аллея с сходящимися и расходящимися деревьями [Глаголев, 1898, с. 263–267].

Как выпускник Московской духовной академии (1889) С.С. Глаголев был оставлен профессорским стипендиатом на 1889–1890 г. Посещал лекции в Московском университете. В 1890–1892 г. преподавал в Вологодской духовной семинарии библейскую и церковную историю. В августе 1892 г. его пригласили в МДА на кафедру Введения в курс богословских наук (с 1910 г. — кафедра Основного богословия), с сентября 1895 г. Глаголев экстраординарный профессор, в феврале 1901 г. — ординарный профессор, в 1917 г. — заслуженный; в июне 1896 г. защитил магистерскую диссертацию «О происхождении и первобытном состоянии рода человеческого»; в июне 1901 г. был удостоен степени доктора богословия за книгу «Сверхъестественное откровение и естественное богопознание вне истинной церкви» (Харьков, 1900), которая первоначально печаталась в харьковском журнале «Вера и разум». Перу С.С. Глаголева принадлежат более 60 статей, опубликованных в академическом журнале «Богословский вестник», многие из них вышли отдельными оттисками. Помимо этого, регулярно печатался в журналах «Вера и разум», «Душеполезное чтение», «Православное обозрение», «Странник», «Христианин», «Вера и Церковь» и других. Один из самых активных и дисциплинирован-

ных (по написанию статей в срок) сотрудников «Православной энциклопедии» (более 50 статей, включая неопубликованные на буквы К-Л), выходившей под редакцией А.П. Лопухина († 22 авг. 1904), а после его кончины — Н.Н. Глубоковского, с которым учился на одном курсе в МДА (1884–1888) старший брат Д.С. Глаголев¹, а сам С.С. Глаголев — последний 4-й курс (1889), так как Глубоковский в 1888 г. был отчислен из МДА, но в 1889 г. восстановлен и окончил 4-й курс. С.С. Глаголев преподавал богословие, историю религий и древней философии на Высших женских курсах в Москве. Был участником Всероссийского Поместного Собора (1917–1918 гг.).

В мае 1928 г. Глаголев был арестован и выслан в Пензу, потом Саранск; после досрочного освобождения с 1929 г. жил в Вологде. 5 июня 1937 г. арестован, 19 сентября приговорен к расстрелу, 2 октября 1937 г. приговор приведен в исполнение.

Родился С.С. Глаголев в семье настоятеля Никольской церкви г. Крапивна Тульской губернии Сергея Ивановича Глаголева (1839–1916), младшего сына диакона села Богучарова Алексин-

¹ Дмитрий Сергеевич Глаголев 1863 г. р. В 1892 г. рукоположен во священника, в 1893 г. защитил магистерскую «Второе великое путешествие Святаго Апостола Павла с проповедью Евангелия (Деян. XV, 40 – XVIII, 22). Опыт историко-экзегетического исследования» (*Глубоковский Н.Н.* Опыт русской обработки материала для жизнеописания св. Апостола Павла. Второе великое путешествие св. ап. Павла с проповедью Евангелия (Деян. XV, 40 – XVIII, 22). Опыт историко-экзегетического исследования священника Д. Глаголева. Тула 1893. Стрнн. III + 336 + XII. Цена 1 рубль 75 коп. // Христианское чтение. 1894. Вып. 1 (январь-февраль). С. 189–207). С 1904 г. профессор богословия Демидовского юридического лицея, в 1910–1914 гг. — помощник директора Лицея. С 1922 по 1929 гг. служил в церквях Ярославля, после возвращения в Тулу в 1929–1930 гг. — настоятель Спасо-Преображенского собора. 1 июля 1930 г. за протест против закрытия собора арестован второй раз. «Безбожие несносно для моей души. Я полагаю, что оно, между прочим, губительно и в гражданском отношении», — говорил он на допросе. 6 октября осужден к расстрелу, приговор приведен в исполнение, предположительно 13 или 30 октября 1930 г. (URL: [https://ru.openlist.wiki/Глаголев_Дмитрий_Сергеевич_\(1863\)](https://ru.openlist.wiki/Глаголев_Дмитрий_Сергеевич_(1863))) (дата обращения: 17.01.2024).

ского уезда Тульской губернии Ив.Ив. Глаголева. О семье отца и деда С.С. Глаголев писал:

Семья была небогатая, богобоязненная, трудолюбивая. Глубокая религиозность, безусловная покорность воле Божией, способность довольствоваться немногим и работать не покладая рук, вот что характеризовала отца и мать, трех дочерей и двух сыновей семьи. Может быть это и не специфические черты семьи, может быть ими характеризовались многие семьи духовных того времени. Но теперь иные времена. И слушая рассказы о этих людях сороковых годов, и наблюдая оставшихся живыми из них, удивляешься их смиренно спокойному отношению к тому, что мы называем несправедливостью судьбы и людей, удивляешься их нетребовательности. Эти духовные старого времени работали всю жизнь в храме нерукотворенном — на лоне природы, вели хозяйство — небольшое по объему, немудреное по технике; в храме рукотворенном они служили духом — Богу истины, приносили Ему молитвы, и они умели молиться. Как хозяйственное обучение, так и религиозное воспитание в старых духовных семьях дети получали дома [Христианин, с. 4–5; ТЕВ, 1910, с. 887–892].

В 1916 г. «Тульские епархиальные ведомости» так дополнили этот портрет С.И. Глаголева:

Поучительною особенностью Сергея Ивановича является то, что он не определял сам путей своей жизни. От Господа пути направляются. И Сергей Иванович ждал воли Господней, во всю свою жизнь он ничего не искал для себя. Он брал то, что ему давали, и исполнял свой долг [ТЕВ, 1916, с. 385].

В 1850 г. Сергей Иванович Глаголев поступил в Тульское духовное училище, в 1854 г. — в Тульскую семинарию, и по

окончании ее в 1860 г. женился на сестре товарища по семинарии, за которой давали настоятельское священническое место в церкви г. Крапивна и сирот, коих нужно было вырастить. 26 октября 1860 г. епископом Рязанским Смарагдом (Крыжановским) поставлен в священника. Так в 21 год стал настоятелем соборной Никольской церкви в г. Крапивна Тульской губернии. Жена его умерла рано от чахотки, оставив двух сыновей: Сергея двух и Дмитрия четырех лет; заботилась о них и растила ее сестра Серафима Никитична Мерцалова.

Протоиерей Сергей Иванович Глаголев настоятельствова-вал в Никольском храме более 50 лет. Своею энергией он будил «дух деятельности среди духовенства» [ТЕВ, 1910, с. 891]. За время своего служения, которое оставил за год до смерти, в 1915 г., был духовником крапивенского духовенства (с 1863 г.), благочинным городских и сельских церквей Крапивенского уезда (с 1884 г.), председателем крапивенского отделения церковно-приходского училищного совета, членом земского училищного совета, директором тюремного комитета, «законоучителем трех поколений (бабушек, дочерей и внушек)» [Христианин, 1910, с. 7] в женской прогимназии г. Крапивны со дня ее основания — 10 октября 1871 г. Принимал деятельное участие как уполномоченный духовенства в городских и земских делах, с 1868 г. его избирали гласным городской думы, неоднократно выбирали членом ревизионной комиссии по банку и пр. Преемник о. С.И. Глаголева, настоятель Никольской церкви протоиерей Григорий Зеленецкий, отмечал, что о. Сергей, «так много нес обязанностей, что едва ли кто другой мог совместить их в одном лице» [ТЕВ, 1916, с. 391]. В адресе от духовенства по случаю 50-летия его пастырского служения говорилось:

Как человек, вы имеете особую, необыкновенную способность собрать, съютить, организовать около себя кружок своих собратьев. <...> Вы — центр духовенства в г. Крапивне. Мы здесь живем в мире и согласии, в духе христианской любви — по-братски [ТЕВ, 1910, с. 891].

В доме Глаголевых в Крапивне «перебывали все работники и работницы школьного дела уезда» [Христианин, с. 7], которое протоиерей Сергей любил, и которому отдавал много времени и сил, отклоняя высшие посты, ему предлагаемые, ощущая тесную связь со своею паствою и сорботниками на разных поприщах своей деятельности в городе и уезде.

Скончался о. С.И. Глаголев 16 июля 1916 г. на руках сына Дмитрия при чтении молитв по святом причащении. «С ним сошла в могилу целая эпоха» [ТЕВ, 1916, с. 383].

Как «особо заслуживающее внимания качество» протоиерея С.И. Глаголева, могущее служить примером и уроком для других, новый настоятель Никольской церкви в Крапивнах протоиерей Григорий Зеленецкий, отмечал заботу отца о воспитании двух сыновей.

Протоиерей Сергей Иоаннович старался и заботился о воспитании своих детей, внушал им страх Божий, почтение и уважение к родителю, прививал достойные отношения к другим, одним словом старался сделать их хорошими людьми и полезными гражданами. Он заботился о главном, чтобы у человека была хорошая душа. Правдивость и честность у него были на первом месте. Занимая высокое положение, он был светильником горящим и светящим, поставленным на высоком пьедестале. На него смотрели все, к его голосу прислушивались и с его мнением считались. <...> Его называли строгим. Да, он был строг. Но эта строгость растворялась любовью. Он желал каждому добра. Что такое была эта строгость? Его строгость выражалась в неуклонном требовании, чтобы человек не забывался, знал свои границы, не выходил, так сказать, из рамок. <...> Он желал того, чтобы всякий исполнял свой долг, был правдив и честен. Если бы каждый относился с такою строгостью к самому себе и к другим, то не было бы той разнузданности, которая так часто в настоящее время встречается среди нашей молодежи. И это оттого, что почти никто на эту важную сторону

русской общественной жизни не обращает внимания. <...> Распущенность молодежи и небрежение родителей о благоповедении детей, быть может, были одними из главных причин ниспосланного нам Провидением наказания в виде настоящей злосчастной войны.

Так пусть же имеющие детей, при воспитании их, имеют эту строгость почившего протоиерея Сергея Иоанновича, строгость, растворенную любовью. Тогда подрастающее поколение даст хороших людей и полезных членов общества и государства. Аминь [ТЕВ, 1916, с. 393–394].

После протоиерея Г. Зеленецкого слово произнес С.С. Глаголев:

Почитатели усопшего! Настоятель храма только что назвал детьми сыновей почившего, а детей, лишившихся родителя, называют сиротами. Но что такое дети? Это — существа сами по себе беспомощные, не знающие среды, в которой живут, не имеющие средств, и не умеющие к ней приспособиться; а сирота, это тоже беспомощное дитя, но которому никто не обязан помогать. Странное зрелище представляется у этого гроба. Стоят два сына — дети почившего, сироты, но каждому из этих детей более пятидесяти лет и уже более четверти века каждый из них служит и помогает другим.

Конечно, не в словах дело. Но вот, что от всей души и от всего сердца скажу я: по отношению к почившему до последних дней мы были детьми и теперь, потеряв его, потеряли руководителя, в котором нуждались до могилы. Ведь на самом деле не одни дети, а все не имеют знаний действительности и правильного понимания окружающего, а что касается до помощи, то мы беспомощны все, о чем говорит и этот гроб.

Но в разной мере мы не знаем жизни и в разной мере беспомощны. Почивший стоял неизмеримо выше нас — своих детей — в деле понимания и силы. В течение своей почти

семидесятилетней жизни он никогда не терял ясности сознания и чувства правды и был для нас разумом, совестью и радостью.

Разум и совесть! Обыкновенно представляют, что на пути жизни люди теряют совесть и приобретают разум. Это не верно. Теряя совесть, люди теряют и разум. Потеря разума заключается в том, что человек дешевое ценит выше дорогого: яйцо ценит дороже курицы и платье дороже человека. Потеря совести состоит в том, что, стремясь, — все равно к дешевому или дорогому, — человек не разбирается в средствах, вместо того, чтобы заработать деньги, вскрывает чужой ящик с деньгами.

Жизнь сложна и трудна, она полна искушений и опасности, и почти всякий может сказать, что, как ягненок на репьях, на жизненном пути развеял в прах своей души он дарованья. На свете очень много бородатых ягнят, которые принимают репьи за смоквы. Отец учил нас различать те и другие. Он предостерегал нас своим примером от стремления к сомнительным благам и от употребления для этого нечестных средств. В угаре жизни меня, готового пасть пред искушением, иногда останавливал образ моего отца, одно воспоминание о нем. Желание иметь разум и совесть отца удерживало меня от неразумного и бессовестного.

Но отец не был разумом, состоящим из скучных сентенций, и совестью, отвергающеюся от всего сладкого. Нет, он любил чистые радости жизни и учил нас любить их. Христианство не запрещает, а одобряет это. Христос начал свое служение не с того, что выгнал торгующих из храма, а с того, что явился на брак, благословил любовь жениха и невесты и претворил воду в вино к радости пирующих. Отец любил красоту природы, голубое небо, как ныне; цветы, как те, которые лежат на его гробу; общество добрых людей, как то, которое теперь провожает его в последний путь. Он видел Бога в природе и находил Бога в сердцах людей. Последнее гораздо труднее! Последнему он всего более служил: он

учил нас мирить, а не ссорить; оправдывать, а не обвинять. Горе моей жизни заключается в том, что я был плохим учеником собственного родителя. Он подвигом добрым подвизался, течение совершил, веру соблюл, теперь ему соблюдается венец правды, как он соблюдается всем, возлюбившим учение Христа.

Он сошел во гроб и немного спустя сойдет в могилу. Но как разум, как совесть, как чистая радость, он нужен мне до самой могилы, и в том, что его уже нет более, может быть, нужно видеть указание Провидения. Руководитель нужен делателю, а мое дело, может быть, уже недалеко от своего конца. До недалекого свидания, отец! [ТЕВ, 1916, с. 394–396].

В Крапивенском уезде Тульской губернии, где окормлял свою паству протоиерей Сергей Иванович Глаголев, находилась Ясная Поляна. О своем отношении к Л.Н. Толстому С.С. Глаголев говорил в речи «О графе Льве Николаевиче Толстом» [Глаголев, 1910, с. 558–578], произнесенной 9 ноября 1910 г. на третий день по кончине писателя. По словам Глаголева, он познакомился с сочинениями Толстого, как только выучился читать. «Думаю, что это скажут все крапивенские школьники моего поколения. Книгами для чтения Толстого тогда были наполнены библиотеки наших начальных школ»; вспоминал, что эти книги «с захватывающим интересом читали и взрослые» [Глаголев, 1910, с. 559]. В 1876 г. он видел Толстого на уроках в крапивенском уездном училище и потом «уже не видел более» [Глаголев, 1910, с. 559].

В Толстом видели тогда, прежде всего, и прямо барина, имеющего право интересоваться чем ему угодно, а потом и косвенно ревизора. Сочинения Толстого циркулировали в Крапивне. На меня десятилетнего произвели сильное впечатление «Детство» и «Отрочество», и особенно один рассказ о самоубийстве какого-то графа (кажется, рассказ маркера). Потом я не перечитывал их. Вообще, за исключением

особых случаев, вызванных желанием что-либо проверить или выяснить относительно Толстого, я никогда не читал дважды одного и того же его произведения. <...> Толстой для крапивинцев был не только знаменитым литератором, но и местным деятелем — он был мировым посредником, членом училищного совета, земцем. <...> Постепенно он становился всемирным, но может показаться странным, что вместе с тем он переставал быть крапивинским. Когда он стал приковывать внимание всего мира, внимание его земляков стало к нему ослабевать. Нельзя удивляться этому. То новое, что Толстой стал возвещать миру, не было новостью для его родного города [Глаголев, 1910, с. 559].

И далее Глаголев сообщает свои наблюдения и суждения о Толстом — «ретике» по отношению ко всем религиям и исповеданиям, ко всем существующим и проектируемым формам государственного и общественного устройства. «Он — человек оппозиции» [Глаголев, 1910, с. 562], — замечал С.С. Глаголев о Толстом, блуждающим в поисках правды, который «в своем искании правды слишком доверялся себе, слишком высоко ценил свои силы» [Глаголев, 1910, с. 564], и напоминал слова из Евангелия от Луки (Лк. 10: 21) «...Ты утаил сие от мудрых и разумных и открыл младенцам». В Толстом Глаголева отталкивала «его самонадеянность» [Глаголев, 1910, с. 567]. «Церковь хочет понять и усвоить Евангелие, Толстой хотел его переделать. И переделка в данном случае является подделкой» [Глаголев, 1910, с. 576]. Глаголев рассказывал о визите Толстого в МДА и не заладившейся беседе с профессорами, и о посещении Толстого студентами МДА. По поводу ухода Толстого из дома Глаголев заметил:

Мне чувствуется здесь нечто иное и нечто большее и высшее, чем земные помышления. Моя мысль обращается к прошлому нашей школы, мне вспоминаются светлые образы профессора Ф.А. Голубинского и ректора А.В. Гор-

ского. Незадолго перед смертью совершенно и относительно не старый Голубинский писал: «пора домой, не век скитаться». Умиравший Горский вскакивал с постели и кричал, стремясь куда-то уйти: «домой, домой». Мне думается, что тот же инстинкт, который заставлял Голубинского и Горского рваться из этой юдоли скитаний, побудил и Толстого оставить дом, чтобы устремиться домой — к небесному Отцу. <...> Сын человеческий, принесший Себя в жертву за человечество, не отвергнет Толстого, который хотел служить человечеству и любить его [Глаголев, 1910, с. 578].

На годичном акте по случаю 89-й годовщины открытия Московской духовной академии 1 октября 1902 г., вспоминая с благодарностью тех, «кто создал ее прошлое», С.С. Глаголев поделился с собравшимися своими размышлениями о том, что мир «сохраняет свою историю», явления не уничтожаются, «для человека переход в небытие непостижим, для него гораздо более допустимой является мысль о нарастании бытия» [Глаголев, 1903, с. 216, 223].

Доброе будущее утверждается на добром прошедшем, — говорил он в заключении речи «Бессмертие прошедшего». — Когда в свободные и бездеятельные минуты я предавался воспоминаниям о прошлом предо мною на фоне моей собственной греховности являлось то, что я встречал и узнал доброго на своем жизненном пути. Милые и светлые образы, благородные дела, намерения, мечты. Я нашел нечто утешительное в мысли, что все это доброе цело, вечно, что оно сохраняется в бессмертных недрах прошедшего. Этой мыслью я захотел поделиться с вами ныне [Глаголев, 1903, с. 225].

При этом он выразил надежду, что «что и дети детей наших не будут свидетелями того, как она закроет свои двери в последний раз» [Глаголев, 1903, с. 193].

В 1915 г. — на второй год войны — в статье «Мечты о прекращении войн» Глаголев развил эту мысль и углубил ее:

Итак, не должно поддаваться обещаниям мира и счастья. Никакого царства счастья никогда не будет без Царства Божия, а Царство Божие внутри нас есть. Итак, нужно стремиться создать мир в самих себе, тогда можно надеяться, что мир явится и вне нас. Мы не можем пророчествовать о будущем, но мы должны знать, что, какое бы ни было будущее, оно будет создано нами. На наши заботы о мире и на наши стремления к миру — стремления, разумеется, не лицемерные и не своекорыстные Господь ответит тем, что на земле будет мир, в человецех благоволение (Лк. 2: 14) [Глаголев, 1915, с. 496].

История сообщает нам знание о *нарастании* личного бытия, его прорастании в другие формы и измерения помимо пространства и времени.

Приложение

Глаголев С.С.

БЕССМЕРТИЕ ПРОШЕДШЕГО²

В нынешний день начинается новый восемьдесят девятый год жизни Академии. Впервые она открыла свои двери для лиц, ищущих высшего богословского образования 1-го октября 1814 г., будем надеяться, что и дети детей наших не будут свидетелями того, как она закроет свои двери в последний раз. Для нас — православных богословов — процветание нашей школы связано с лучшими чаяниями нашей веры и нашей надежды.

² Актовая речь С.С. Глаголева «Принцип сохранения явлений», произнесенная 1 октября 1902 г. на годовичном акте Московской духовной академии и впервые опубликованная под названием «Бессмертие прошедшего» в 1903 г. в журнале «Богословский вестник» (Т. 1, № 2, с. 193–225, 2-я пагинация).

И мы надеемся, что наша надежда не посрамит нас. Но не мечтами о светлом будущем Академии, думается, удобно наполнить нынешний день, а благодарностью к тем, кто создал ее прошлое.

Мы молитвенно вспоминали о них вчера. Мы часто говорим и пишем об их делах. Мы верим, что им за их дела соблюдается венец правды. Мы надеемся, что все, что задумано и совершено ими доброго, некогда станет явным, ясным и бесспорным. Когда Господь приведет во свете тайная тьмы и объявит советы сердечные, прошлое тогда станет как бы настоящим. Но возможно ли это? Не говорим ли мы постоянно, что то, что прошло, не существует более? Вчерашний день не возвратится никогда, как никогда не возвратится к нам наша юность. Мечты поэта о том, как найти дорогу к прошедшему, заканчиваются пессимистическим утверждением: «Но, увы, нет пути к невозвратному». В таком случае, к чему же наша благодарность деятелям прошедшего, наши воспоминания, наши исторические исследования? Все это — занятия несуществующим. Все это: *vorbei, vorbei*, как говорит рыжекудрая Раутенделейн в «Потонувшем колоколе» Гауптмана. Мы спорим о характере исторических деятелей, о правдивости археологических и геологических реставраций. Мы говорим о научном воссоздании типов вымерших животных, исчезнувших с лица земли народов и языков, мы пытаемся воспроизводить образы Конфуция, Зороастра, Солона, Ликурга. Но к чему создавать копии, когда не существует оригиналов и, следовательно, правдивость копий в точном и строгом смысле не может быть проверена. Тех Афин, где некогда бродил Сократ, где афиняне смеялись над его окарикатуренным образом в «облаках» Аристофана, где они судили его на смерть и воздвигли ему памятник, тех Афин увидеть никто не может, и никто не увидит.

Не увидит ли?

Я думаю, что можно утверждать противное. Я думаю, что те знания, которые мы имеем относительно физического мира, дают основание утверждать, что явления не уничтожаются, что форма их сохраняется вечно, что прошедшее можно наблюдать.

Позвольте мне очередную мою беседу в тот день, когда Академия вспоминает свое прошлое, когда вслед за моей речью вам будет предложено сообщение о пережитом и сделанном Академией в прошедший год ее жизни, позвольте в этот день воспоминаний посвятить свою беседу разъяснению и доказательству того, что то, о чем вспоминаем и когда-либо будем вспоминать мы, не умерло, что оно прошло только для нас, но сохранилось во Вселенной, что может быть настанет некогда день, когда мы снова увидим все наше прошлое и прошлое других людей, увидим несравненно более ясно и отчетливо, чем видим теперь — в настоящую минуту — друг друга.

Отодвинемся мысленно на 10 лет назад, от 1 октября 1902 г. обратимся к 1 октября 1892 г. Наш скромный академический праздник в тот год был завершением длинного ряда юбилейных торжеств. Академическая семья в своем кругу тихо праздновала день рождения Академии. Некоторые из наших собратий, бывшие тогда членами академической среды, уже почили. В числе их сошел в могилу и говоривший тогда речь оратор. И все мы были тогда несколько иными. Мы были на 10 лет моложе, наш пульс бился сильнее, наши глаза блистали ярче, наши надежды были светлее, наши планы шире. Я говорю о младшем поколении, к которому тогда принадлежал я. Молодость имеет в себе много хорошего и завидного. И в одном я особенно завидую ей: ей свойственны безотчетные, светлые порывы в неясную даль, ее одушевляют грезы о близкой возможности воплощения царства света, счастья и радости, и если тронутая скептицизмом современная молодежь не так легко увлекается мыслью о скорости общего благополучия, то все-таки в ее представлениях отводится много места мечтам о никогда не омрачающейся благородной радости. Эти порывы в далекую даль и эта вера в грядущее замирают с годами. Но остаются светлые воспоминания о светлых мечтах. К светлым воспоминаниям люди любят обращаться. Но где искать то, что прошло, где искать того, что было в этот день на этом месте 10 лет тому назад.

Ничто не исчезает в природе. Не исчезает материя. Это было сказано в конце XVIII столетия. Не исчезает сила; это формулировано в половине XIX века. Думаю, что теперь можно добавить: не исчезают и явления. В небесном пространстве можно указать пункты, где в нынешний день можно наблюдать все то, что здесь происходило 10 лет назад.

Такой пункт находится в созвездии Дракона. Об этом созвездии говорит Иов, называя его Левиафаном в своей речи, в которой проклинает день своего рождения (Иов. 3: 8). Есть в этом созвездии звезда, обозначаемая греческой буквой ν . В трубу и даже в хороший бинокль она представляется двойной. Их обозначают, как ν^1 и ν^2 . Вот если бы на месте ν^1 в данный момент находились разумные существа, если бы у них были совершенные инструменты и кто-нибудь из них вздумал бы направить свой телескоп на наш скромный уголок, то он увидел бы, что было здесь с нами 10 лет назад. Он увидел бы тех из нас, которые присутствовали здесь тогда, помолодевшими, посвежевшими ровно на 10 лет.

Дело заключается в следующем. Мы видим предметы, потому что лучи света, падающие на них от светящегося источника, отражаются ими, идут от них обратно и попадают в наши глаза. Возбуждая зрительный нерв, они заставляют относить полученное впечатление к исходному пункту луча — к тому предмету, от которого он отражен. Лучи света двигаются со скоростью 300 тысяч километров или около 280 тысяч верст в секунду. На Земле не приходится иметь дело с такими расстояниями. Радиус Земного шара имеет в длину менее 6000 верст, таким образом прямое расстояние между двумя пунктами на Земле не может быть более 12 тысяч верст и, измеряя поверхность Земли геодезическими путями, нельзя найти на этой поверхности пунктов, разделенных между собой более, чем 20-тысячеверстным расстоянием. Но расстояние между небесными телами не измеряются такими скромными величинами. Луна — ближайшее к земле небесное тело — отстоит от нее приблизительно на 360 тыс. верст, значит, свет от нее должен доходить до земли через 1 се-

кунду с лишком ($\frac{2}{7}$). Солнце от земли отстоит на 140 миллионов верст, поэтому свет от Солнца достигает до Земли только в 8 с лишком ($\frac{1}{3}$) минут. Я сказал бы, что мы должны видеть наше Солнце на горизонте лишь через 8 минут после его восхода, если бы на самом деле вследствие рефракции мы не видели бы его уже раньше, чем оно восходит. Но минуты нужны свету для того, чтобы переходить от одного тела к другому в нашей Солнечной системе. Для сообщения между светилами разных систем они оказываются чересчур недостаточны. Здесь требуются не минуты и часы, и даже не дни и месяцы, а целые годы. От α в созвездии Центавра свет приходит к нам через 4 года, от α Быка — в 6 лет, от β Лебеда — в 7 лет, от Сириуса — в 8 лет и от ν Дракона — в 10 лет. Во сколько свет доходит от ν Дракона до нас, во столько и от нас он доходит до этой звезды. Лучи солнечного света, 10 лет назад падавшие в этот день в эту залу, отразились от находившихся здесь лиц и предметов и понеслись в мировое пространство, и вот, часть этих лучей сегодня достигает ν Дракона. Это значит, что если бы у обитателей этой звезды были столь совершенные телескопы, что они могли видеть в них сцены нашей домашней жизни, то они увидели бы Московскую академию в том виде, какой она имела в 1892 году, и они были бы созерцателями сцены академического акта этого года.

То обстоятельство, что свет имеет определенную скорость, само по себе не утверждает, чтобы он мог осветить наше прошедшее и прошедшее других до сокровенных глубин. Ведь и звук движется с определенной и даже небольшой скоростью, однако мы не можем говорить о сохранении звуков в том смысле, в котором мы утверждаем сохранение геометрических форм и цветовых оттенков явлений. Звуки речей, раздававшихся в этот день 10 лет тому назад, не могли еще достигнуть Солнца, если бы звуки шли с той скоростью, с какой они распространяются в воздухе. Быстрее всего звук движется в стекле (около $5\frac{1}{2}$ верст в секунду). Если бы Солнце было соединено с Землей стеклянным проводником, то наши речи доходили бы до Солнца скорее,

чем в месяц. Но на самом деле шум Земли никогда не достигает неба. Дело в том, что звуку, для того чтобы пройти от одного пункта к другому, нужно, чтобы эти пункты были соединены материальной средой. Звук распространяется в газах (быстрее всего в водороде — 1280 м в сек.), жидкостях и твердых телах, но звук безусловно замирает в безвоздушном пространстве, мы никогда не услышим его звуков. Звуки могут сохраняться фонографом, звуки живут в своих последствиях, так как всякое колебание среды, понятно, производит изменение в состоянии материи. Но земные вопли и стоны, они замирают в верхних слоях атмосферы. Другое дело — вибрации звучащего тела. Они остаются навсегда напечатанными в пространстве. Музыкант провел смычком по скрипке. Послышался и замер звук, струны натянулись и пришли в прежнее спокойное состояние. Но момент прикосновения к ним смычка уже увековечен во Вселенной. Представим себе, что против этого пункта, где произошло движение смычка, поместится наблюдатель через сто лет после происшествия на расстоянии 315.532, 800.000 световых единиц. (Каждую единицу я принимаю равной 280000 верст.) Если это движение было сделано сегодня, то он увидит его, если взглянет на нужный пункт — предполагая, конечно, у него теоретически совершенное зрение — в 2002 году 1 октября. Образ каждого явления сохраняется во Вселенной. От каждой точки предмета в каждый данный момент во все стороны исходит бесчисленное количество лучей, дающих изображение этой точки. Совокупность лучей, по одному из каждой точки, дает целый образ предмета. Так как лучи отражаются от предмета непрерывно, то, значит, ими дается изображение всех перемен, которые происходят с предметом. Можно изменять направление лучей. Можно их сблизить между собой, пропуская через выпуклые плотные среды, и тогда предмет представится в уменьшенном виде; можно рассеять лучи, обыкновенно пропуская через вогнутые среды, и образ предмета станет увеличенным, можно преломить направление, можно при помощи сред обесцветить окрашенный предмет — хотя бы радугу, и можно, наоборот, бесцветно-

му предмету придать яркую окраску. Вообще, среда, через которую проходит луч, может изменить и его направление, и его цвет, даже скорость. Но два несомненных факта, обеспечивающих бессмертие прошедшего, остаются во всей силе. От всякого предмета при всяких условиях, хотя бы в совершенной темноте, непрерывно идут лучи, дающие его изображение, и не один из этих лучей никогда не может быть уничтожен. Темнота и свет, как тепло и холод — понятия условные, субъективные. Как в природе не существует холода, а есть лишь теплота, так в природе не существует мрака, а есть лишь свет. И свет, и тепло имеют различную интенсивность (напряженность). Когда эта интенсивность такова, что мы не можем различать окружающих предметов и испытываем неприятное чувство вследствие того, что окружающая температура значительно ниже температуры нашего собственного тела, мы говорим о мраке и холоде. Но эти мрак и холод суть лишь слабые степени света и тепла. Без тепла и света не может быть никакого существования. Ноль тепла и света — это небытие, немислимая и не представимая граница бытия. Наше зрение не воспринимает большей части световых лучей, но ведь, может быть и более совершенное зрение, чем человеческое, и затем невидимый для человеческого глаза свет при помощи некоторых орудий может становиться видимым. Мы говорим, что бесцветный солнечный луч разлагается призмой на семицветный, но на самом деле этот семицветный спектр включает в себе только незначительную часть лучей, сливающихся в белом. Солнечный луч включает еще в себе инфракрасную и ультрафиолетовую части, значительно превосходящие видимую часть. Эти лучи могут быть обнаружены путем химическим. В звездах, приближающихся к нам, инфракрасная часть может становиться видимой; в звездах, удаляющихся от нас, может становиться видимой часть ультрафиолетовая; лучи, непрерывно идущие от всех точек всех предметов, могут отражаться, преломляться, поляризоваться, но не могут уничтожаться. Если звук, для того чтобы существовать, нуждается в материальной среде и замирает в пустоте, то световой луч беспрепятственно

и без изменений пронизывает пустоту и, наоборот, претерпевает изменения в материальной среде, хотя и остается не уничтожимым. Говорят: свет погас. Это как бы указывает на уничтожение лучей. Но ведь когда гаснет свет, то лучи от него уже разойдутся, и, рассуждая теоретически, они затем будут вечно идти от своего источника, как центра, к периферии Вселенной. Сила света ослабевает с расстоянием, она обратно пропорциональна квадрату расстояния. Это зависит от того, что один и тот же луч по мере удаления от центра должен освещать все большие и большие поверхности, которые растут, как квадраты расстояний. Вследствие того, что свет с расстоянием ослабевает, он, наконец, становится не видимым, но... не видимым для нашего слабого зрения. Как бы ни ослабило его расстояние, нулем он стать не может. На какое большое число вы не разделите единицу она не сделается нулем; так и напряженность какого-либо источника света, если мы разделили ее на какое угодно число, выражающее квадраты верст, не превратится в ничто. Пусть такой свет невидим для нашего глаза, но он видим по существу и может стать видимым и для нас. Число всех видимых звезд на обоих полушариях для нормального глаза равно приблизительно 5500. Свет от остальных миров неуловим для невооруженного зрения. Но число звезд, видимых в современные телескопы, определяется приблизительно в 100 миллионов. Но что такое эти телескопы в сравнении с возможно совершенными телескопами? И, однако, они расширяют для нас сферу видимого почти в 20 тысяч раз (в 18181, 81818) ...

Несомненно, что как бы ни был слаб луч, идущий от того или другого предмета, он при помощи каких-либо искусственных приборов может быть замечен. Но вот вопрос: не могут ли лучи, идущие от предмета, при прохождении через какую-нибудь среду быть погашены совсем? Среда поглотит их? Свет лампы и даже солнца не проникает сквозь стену, следовательно, он поглощается ею. Позволительно думать, что среда, как и пространство, только ослабляет, но не уничтожает силу лучей. Золото не прозрачно, но сплошные листовые золотые пла-

стинки прозрачны, они сообщают даже особенную зеленую окраску проходящему через них свету. По мере того как пластинка становится толще, ее проницаемость становится слабее; при известной толщине эта проницаемость становится нулевой, однако она не делается нулевой. Но нам могут сказать, что это наше предположение, которое, хотя и не опровергнуто, однако и не доказано. Но думается, что теперь можно считать доказанным, что непрозрачных середин в абсолютном смысле этого слова не существует, что есть лучи, проникающие через всякие преграды. Типом таковых лучей являются X лучи Рентгена. В декабре 1895 года телеграф поведал всему свету об открытии Рентгена. Сущность его заключается в следующем. Если через стеклянную трубку с крайне разреженным воздухом пропустить сильный электрический ток, то явится свет, направляющийся как бы от отрицательного полюса к положительному (так как отрицательный полюс называется катодом, то и этот свет назван катодным; но лучи Рентгена не тождественны с катодными лучами). Оказалось, что в состав этого света входят лучи, невидимые для глаза и проникающие через середины, считавшиеся непрозрачными. Опыт, до которого без сомнения трудно было додуматься, и который в существе своем необыкновенно прост, доказал это. Рентген покрыл трубку плотным черным картоном, так что свет трубки не проникал через него, и в комнате, где не было другого источника света, воцарился мрак. Но перед трубкой Рентген поместил флюоресцирующий экран. Что это такое? Физика знает группу явлений, носящих общее имя люминесценции. Им обозначается тот факт, что существуют тела, испускающие свет, не сгорая и не будучи раскалены, т. е. при низких температурах. Люминесценция — это холодный свет. Флюоресценция — один из видов люминесценции. Флюоресцирующими называются тела, которые издают свет при воздействии на них световых лучей. Экран, покрытый таким флюоресцирующим составом, Рентген поместил перед покрытой трубкой. Экран стал светиться. Значит, невидимые лучи проникли через непроницаемый для

света покров и воздействовали на поверхность экрана. Далее открылись другие любопытные явления. Если между трубкой и экраном помещалась рука, то свет за рукой ослабевал, а там, где в руках находятся кости, исчезал почти совсем, так что они своей темнотой резко выделялись на экране. Кости невидимые в теле становятся видимыми на экране. Дальнейшим и естественным благом в открытии Рентгена была фотография невидимых вещей. Рентгеновские лучи, проходя через дерево, задерживаются металлом. Если пропустить их через деревянную копилку, наполненную монетами, на светочувствительную пластинку, то монеты обрисуются на ней. Рассмотрение недодержанных и передержанных пластинок, полученных от воздействия рентгеновских лучей, показывает, что преграды задерживают, но не останавливают совсем этих лучей. На недодержанной пластинке обрисовываются только контуры руки, но не видно ее костей; на передержанной — наоборот, контуры исчезают, и остаются видны лишь кости. Рентген нашел, что непрозрачность среды для X-лучей приблизительно пропорциональна плотности этих сред. Но этим законом утверждается, что рентгеновские лучи проникают через всякую преграду. Пусть сила рентгеновского луча прошедшего через неуловимо тонкую пластинку урана (наиболее непрозрачного тела и, вместе с тем, имеющего наибольший атомный вес — 240) равна малой величине x , во сколько бы тысяч раз мы ни увеличивали толщину пластинки и, следовательно, на сколько бы тысяч мы ни делили величину x , эта величина никогда не станет нулем. У рентгеновских лучей найдены еще замечательные свойства: они не отражаются, не преломляются, не поляризуются. Может быть, все это только приблизительно, но во всем этом мы видим, что имеются лучи, на которые среды, через которые они проходят, оказывают наименьшее действие, и которые, однако, при всей своей удобопроницаемости, сохраняют образы тех сред, через которые проходят, и потому, значит, сохраняют образы вещей и явлений. Но рентгеновские лучи, как лучи катодные, ультрафиолетовые, инфракрасные и, наконец, види-

мые лучи семицветного солнечного спектра, конечно, далеко не выражают собой всех лучей, существующих во Вселенной.

В последние годы открыты лучи Беккерелевские. Оказывается, что некоторые редкие металлы непрерывно испускают из себя лучи, производящие действия аналогичные лучам Рентгена. Подсказывается мысль, что каждый предмет посылает от себя лучи самостоятельные, так как в каждом предмете происходит молекулярное движение частиц, хотя эти лучи, вообще говоря, и неуловимы. Но, во всяком случае, мы имеем перед собой тот несомненный факт, что от каждой точки каждого предмета непрерывно в пространство посылаются отраженные лучи; эти лучи не могут погибнуть, по крайней мере, некоторые виды их. То обстоятельство, что среда, через которую они проходят, вообще влияет на них, не только не враждебно нашему желанию, чтобы образы всего прошедшего сохранялись в мире, напротив, наилучшим образом содействует этой цели, потому что вследствие его лучи отражают в себе все происходящее и встречающееся на пути.

Представим себе, что мы — центр мира. Это может казаться очень притязательным, но, чтобы нас не обвинили в неумеренной гордости, мы должны заявить, что и каждое малейшее селение с равным правом может претендовать на то, чтобы именовать себя таким центром. Пределов пространства мы не видим, не знаем, не представляем, Вселенная представляется нам шаром, не имеющим периферий; центр такого шара можно мыслить в каком угодно пункте. Мы, естественно, избираем тот, в котором находимся сами. И вот, мы представляем, от нас ко всем пунктам периферии Вселенной летят всевозможные лучи. Населим отдаленные миры воображаемыми наблюдателями наших деяний. Если бы лучи пронизывали всевозможные преграды, не изменяясь, то они прошли бы и сквозь глаза наших предполагаемых наблюдателей, и те бы не увидели ничего. Но среда воздействует на лучи и, в конце концов, они оставляют след на глазах наблюдателей. Вследствие разных воздействий наблюдатель может увидеть нас не в том месте, где мы находимся, не с той

окраской и, если хотите, может быть даже искаженными, подобному как искажается наш образ в цилиндрических и конических зеркалах или, что проще и ближе всего, как искажаются наши фигуры в отражениях поверхности самовара. Но физика учит нас, что затемненный, искаженный и перемещенный образ наш при помощи искусственных орудий может быть представлен наблюдателю в своем настоящем виде. Свет от Земли на расстоянии миллиона верст от нее в миллион раз слабее, чем на расстоянии от нее в 1000 верст. Это зависит от того, что на таком расстоянии тот же свет должен распределяться на поверхности, имеющей в миллион раз большие размеры. Но собирательное стекло может сконцентрировать лучи с поверхности в один квадратный метр на поверхности в один квадратный миллиметр, и к ним возвратится в миллион раз большая яркость. Белый луч Солнца, прошедший через рассеивающую призму, распадается на семь лучей, но мы можем на эти лучи направить собирательное стекло, и из него снова выйдет один чистый бесцветный луч. Я сказал выше, что мы видим Солнце раньше восхода и вообще видим его выше того места, на котором оно находится. Это происходит вследствие преломляющего действия атмосферы, но мы можем смотреть на солнце в стекло, отклоняющее его книзу, и тогда увидим его там, где оно действительно находится.

Я клоню эту речь к выяснению того, что для сохранения образа явлений нужно только, чтобы сохранялись лучи, идущие от явлений. Эти лучи всегда представляют собой образ Истины, чтобы с ними ни случилось в дороге. Я уподобил бы их верным вестником древних царей, с опасностью жизни темными и извилистыми путями переносивших тайны от одного двора к другому. Но в двух отношениях лучи отличаются от этих вестников. Во-первых, лучи не могут погибнуть, во-вторых лучи точно воспроизводят образ факта, но от самого добросовестного и талантливого исследователя и описывателя явлений всегда ускользает многое. Фотография, как видимых, так и невидимых лучей, есть только крайне несовершенная утилизация того, что могут дать эти лучи. Фотография изображает на по-

верхности то, что происходит в пространстве. Явления трех измерений она сводит к двум. Получается собственно не изображение явления, а то, что на геометрическом языке называется сечением. Конус, пересеченный плоскостью, может дать в сечении окружность, эллипс, треугольник и, сфотографированный с некоторых точек зрения, он дает эти фигуры. Понятно, что они далеко не тождественны с предметом. Но лучи несут не фотографический, а, если позволительно выразиться, фотоскульптурный образ предмета.

Каждый предмет можно рассматривать, как систему точек. Если мы от какой-либо точки его проведем мысленную прямую, положим, в 280 тысяч верст расстояния, и затем из остальных точек проведем мысленные прямые, параллельные с первой и также имеющие длину в 280 тысяч верст, то точки, которыми будут оканчиваться эти прямые, дадут тот же самый предмет в том же самом виде и направлении на световой единице расстояния от самого предмета. Такие прямые, иначе говоря, прямолинейные световые лучи, и идут непрерывно от каждой точки предмета, но они идут не в одном направлении, как в нашем примере, а во всех направлениях. Вследствие этого не только от каждой точки идут лучи в пространство, но и в каждой точке пространства пересекаются лучи идущие от всех точек предмета. Поэтому вовсе не нужно иметь больших глаз, чтобы видеть большие предметы, нужно только иметь хорошие глаза.

Но если от каждого предмета исходят мириады лучей, если эти лучи переплетаются, пронизываются взаимно, то не должна ли, в конце концов, представиться глазам хаотическая пестрота тонов и контуров вместо ясных и отдельных образов? Непосредственный опыт дает нам ответ на этот вопрос. Бесчисленное количество лучей падает теперь в глаза каждого из нас, и, однако, картина, которую каждый видит, определена и отчетлива. В этом факте мы можем видеть поучительный пример того, как иногда полезна не только сила, но и слабость. Вследствие слабости нашего органа зрения, многие лучи не возбуждают в нем заметного раздражения, таким образом, он воспринимает дей-

ствие не всех, а сравнительно немногих. Много условий помогает человеку в деле правильного представления тех предметов, лучи от которых он воспринимает. Я не буду воспроизводить по этому вопросу страниц из учебников по физической оптике. Позволю себе высказать лишь одну догадку. Мне думается, что между лучами, идущими от одного предмета, существует некоторая связь аналогичная, — но, разумеется, не тождественная, — той, которая существует между частицами предмета. Может быть, эта связь проявляется в сходстве воздействия на глазной нерв и в чем-либо еще. И вследствие этого мы и обособляем предметы, связываем одни и разделяем другие. Это обособление предметов одного от другого — есть ведь нечто совершенно иное, чем пространственные и цветовые различения. Однако слабость нашего глаза, если и представляет выгоды в одном отношении, оказывается невыгодна во многих других. В природе лучи не смешиваются, это является необходимым условием и незыблемым залогом сохранения образов явлений, но наш глаз и может смешивать, и действительно постоянно смешивает лучи. Млечный путь кажется нашему глазу целым, хотя на самом деле состоит из мириад целых отдельных миров; солнечный луч кажется белым, между тем как он есть сумма лучей всевозможных цветовых оттенков. Для несовершенного человеческого духа более совершенный орган зрения оказался бы непосильным бременем. Нужно, чтобы между орудием и тем, кто его употребляет, существовало правильное соотношение. Мы видим теперь, как бы сквозь тусклое стекло [Коринф. 13: 12], но мы представляем возможность существования более чистых и более ясных очей. И мы утверждаем, что такие очи, созерцающая небесные пространства, созерцали бы вместе с тем всю мировую историю. Небесное пространство — это экран, на котором время, бесстрастный летописец Вселенной, вечными световыми буквами записывает все, абсолютно без всяких пропусков все, что происходило в мире.

Какая природа этих лучей? Что они такое? Уже в V столетии до Р.Х. Демокрит из Абдеры (род. 460 г.) так ответил на этот

вопрос: из предмета исходят истечения, представляющие собой телесные изображения предмета — εἶδωλα (Theoph. de sens. 57). В новое время Ньютон повторил несколько в измененном виде теорию Демокрита. Светящиеся тела, по его взгляду, испускают из себя особого рода вещество, состоящее из отдельных частиц,двигающихся со скоростью света. Но еще ранее Ньютона, Гюйгенс высказал положение, что явление света суть результат колебания особого вещества, наполняющего мир эфира, каковые колебания вызываются светящимся телом. Теперь взгляд, что свет есть результат волнообразного движения эфира, считается общепринятым. Кто знает, может быть, недалек тот день, когда и теория мирового эфира отойдет в область истории. Но, во всяком случае, она не отойдет в прошедшее, не передав много будущему. Математическая оптика, построенная на ней, останется; электро-оптическая теория, рассматривающая световые явления как вид электрических, позволительно думать, также сохранится. Бесспорен факт, на который наводит мысль об эфире, хотя, может быть, при подробном выяснении факта самая теория эфира должна быть отвергнута, что все частицы Вселенной, что все ее самомалейшие атомы связаны между собой неразрывной связью, что Вселенная есть действительно космос. Мы можем мыслить, что каждый атом связан со всеми остальными атомами мира неразрывными нитями, находящимися в состоянии напряженности и натянутости. Понятно, что раз мы переместим наш атом на самомалейшую долю миллиметра, нити, связующие его со Вселенной, потянут в ту же сторону весь мир, перемещение малейших частиц на малейшее расстояние вызовет некоторые изменения, неуловимые, неисследимые для нас, в самых отдаленных уголках мира. Жест, который я делаю сейчас рукою, через восемь лет так или иначе отзовется на явлениях на поверхности Сириуса. Но вот, что еще открывается в природе. Каждое явление не только влияет на все другие, но и открывает себя другим. Природа устроена так, что причину каждого явления можно созерцать. Об этом свидетельствуют органы чувств. Один предмет, воздействуя на другой, в то же время со-

общает другому свой образ. Не всегда у этого другого имеются органы для восприятия этого образ, но вообще такие органы могут существовать. Причина, действуя так или иначе, сообщает тому, на что действует, свой образ. В сущности это понятно. Все то, что воздействует на нас, сообщает нам знание о себе. Когда в благородной борьбе один школьник повергает другого на землю, он нередко обращается к поверженному со словами: «Теперь ты меня знаешь или будешь меня знать». Там, где есть психический элемент, воздействие одного на другого есть всегда откровение себя другому. Так оказывается и в природе. Вчерашние явления, создавая нынешнее положение вещей, открываются в своих действиях. Но и эти вчерашние явления носят на себе образы создавших их событий третьего дня. Эти, в свою очередь, влекут за собой образы создавших их причин. Только причины все более и более отходят вдаль в пространстве. Если на современном политическом строе европейских государств сказалось сильное влияние французских событий конца XVIII столетия, то для созерцания этих событий исследователю самое удобное поместиться теперь на α созвездия Аргуса, свет от которого доходит приблизительно в 109 лет до Земли. Пред ним теперь стали бы проходить кровавые события Великой революции, и те, которым нравится мысль об обитаемости миров, должны допустить возможность, что в настоящее время какой-либо обитатель α Аргуса с замиранием сердца может быть следит в телескоп за тем, как везут на эшафот Дюбари или Марию-Антуанетту. Двигаясь от настоящего пункта в каком угодно направлении со скоростью, превосходящей скорость света, мы проследим без всяких пропусков все, что происходило на этом месте от начала бытия. Но мы можем представить иной глаз: глаз, взор которого сразу обнимает все пространство Вселенной. Такой видит не только то, что происходит, но и все то, что когда-либо происходило в мире. Он созерцает мир и историю мира. В конце XVIII столетия Ньютон и Кларк развили своеобразную теорию, по которой пространство есть орган ощущения божества — *sensorium Dei*. Мысль эта — невероятная в ее грубо

материалистической форме — хороша как образ, как метафора. Все происходит в пространстве, и если пространство само по себе есть орган ощущения, то тогда Тот, Кому принадлежит этот орган, знает абсолютно все, Его представление бытия или Его мысль о бытии тождественно с бытием. Мы не знаем, что такое пространство; не знаем, что такое лучи, пронизывающие пространство по всем направлениям, несущиеся в безмерном количестве от всех точек всех вещей. Наши физические теории и формулы может быть тоже только метафоры Истины. Но не метафорой, а Истиной, думается, должно признать положение: существует не только то, что есть, но и все то, что было.

С глубокой древности и до настоящих дней развиваются теории о круговороте явлений во Вселенной. Об этом круговороте учили буддисты, стоики, материалисты прошлого времени и настоящих дней. Мир представляется последним как бессмысленное *regretuum mobile*, в нем происходит лишь перемещение вечно неизменного вещества, и если все возможные перемещения вечно неизменного вещества, и если все возможные перемещения осуществлены, они с безнадежной последовательностью должны начать повторяться снова. Это теория бессмысленного круговорота стоит в противоречии со всем, что мы знаем о природе. Ни один факт в ней не повторился и не мог повториться два раза. Ни одна будущая весна не будет тождественна ни с одной прошедшей, никогда Земля не была два раза на одном и том же месте в мировом пространстве. И мы уже не там, где были $\frac{1}{4}$ часа назад, мы продвинулись на $3^{\frac{3}{4}}$ градуса к востоку, мы несколько приблизились к Солнцу и вместе с Солнцем мы несколько приблизились к созвездиям Лиры и Геркулеса. И никогда снова не вернуться нам на старое место. Родство и сходство явлений имеем мы, но не их тождество. Отсюда и пространство, заключая в себе образы истории Вселенной, не содержит в себе повторений: оно представляет нам бесконечные вариации одних и тех же форм, но не те же самые формы.

Между тем мысль о круговороте явлений и о гибели прошлого, мысль, питаемая созерцанием разрушения настоящего

и поверхностным наблюдением, не умеющим в сходном подмечать различий, эта мысль распространена так широко и оказывает такое могучее давление, что ей подчиняются даже те, ум которых всегда стремился к вечному. Покойный философ-поэт говорит:

Смерть и время царят на земле,
Ты владыками их не зови;
Все, кружась, исчезает во мгле,
Неподвижно лишь солнце любви³.

Все, кружась, исчезает во мгле. Так говорили Демокрит, Эпикур, Лукреций, Гольбах, Молешот, Бюхнер. Им подчинялась робкая человеческая мысль, но им никогда не верило человеческое сердце. Тот же мыслитель под наплывом чувств, вызванных воспоминаниями, говорит:

Безумье вечное поэта —
Как свежий ключ среди руин...
Времен не слушаясь запрета,
Он в смерти жизнь хранит один.
Пускай Пергам давно во прахе,
Пусть мирно дремлет тихий Дон,
Все тот же ропот Андромахи
И над Путивлем тот же стон⁴.

Тоска Андромахи о гибели Гектора, плач Ярославны об Игоре для поэта не бесследно исчезнувшая мимолетная скорбь, но вечный факт горя. Если я причинил кому-нибудь скорбь, и если эта скорбь потом у того лица сменится радостью, то эта скорбь не должна быть считаема мною бесследно исчезнувшей. Она существует как мое вечное преступление. Его ре-

---

³ Соловьев В. Бедный друг, истомил тебя путь... (Примеч. автора.)

⁴ Соловьев В. Ответ на Плач Ярославны. (Примеч. автора.)

альность может быть парализована подвигами любви, но и тогда его образ сохранится вечно.

Не круговорот явлений происходит во Вселенной, а нарастание явлений. Образы прошедшего отступают вдаль, а факты настоящего заступают их место. Может показаться, что этот факт сохранения явлений, утверждаемый мною, стоит в противоречии с великими принципами сохранения вещества и энергии. Нет, здесь нет противоречия. Сохраняющаяся форма явлений не увеличивает и не ослабляет действие материи. У Аристотеля мы находим учение о неподвижной форме и движущейся материи, материя непрерывно сменяет одну форму за другую, как будто ища формы все более и более совершенной, реальность принадлежит лишь той форме, в которой материя находится в данный момент, а формы, оставленные материей, по нашему утверждению, сохраняются лишь как идеальные образы прошлого. Этот факт сохранения формы сам по себе несколько не противоречит тезису — независимо от того, верен ли действительно этот тезис или нет, что во всякой новой форме вещество и движение существуют равно в таком количестве, в каком существовали в каждой из старых форм. Непрестанно преобразующуюся материю мира можно уподобить змее постоянно сбрасывающей с себя чешую. Сброшенная, но сохраняющаяся чешуя, это — оставленная форма, это — вчерашний день нашей жизни.

Сохраняется форма, но ведь форма — только поверхность явлений. Жизнь проявляется на поверхности, но заправляющие ею пружины и нити скрываются всегда в глубине. Это — так; но и пружины, и сокровенные нити имеют свои формы и образы, и они сохраняются вечно в небесных пространствах. Я сказал выше, что звуки земли не доходят до неба, но должно добавить, что образы, этих звуков должны достигать периферии Вселенной. Звук есть состояние среды, при котором частицы звучащего тела образуют определенные геометрические фигуры. Давно найдены законы образования этих фигур (именно лемниската) и давно составлены их алгебраические уравнения.

Тепловые и электрические напряжения передаются через пустое пространство. Но независимо от этого все тепловые и электрические изменения в теле отражаются в его формах. Нагревание разъединяет частицы тела между собою, охлаждение их сжимает: при намагничивании железо удлиняется вдоль оси намагничивания, при прекращении действия индукционного тока оно сокращается. Но все это — физические перемены, внешние картины мира. Не это главным образом дорого нам. Наша духовная жизнь, наши скорби и радости, преступные и добрые деяния человечества — сохраняются ли они?

Ответ на этот вопрос наполовину нами уже получен. Вся известная нам психическая жизнь проявляется в материальных формах, и, несомненно, материи, в которой находится психическое начало, и в которой такого начала не имеется, не могут иметь тождественных форм. И спиритуалисты, и материалисты одинаково должны признать, что материя, ощущающая, и материя, не имеющая ощущений, могут казаться, но не могут быть действительно тождественными. В противоположность мысли, завещанной нам Индией, что все одушевлено, в XVII столетии развилась теория, что одушевлены только люди, что животные — автоматы, движения их — движения заведенных машин, их звуки и крики тождественны с звуками, производимыми куклами. Говорят, что вдохновленный этой теорией добрейший Мальбранш безвинно колотил палкой свою собаку. В этой теории утверждается несомненная истина, что психический придаток к физическим явлениям для нас необъясним. Воет ветер, воет собака, с первым явлением мы не связываем никакого психического состояния, за вторым мы предполагаем состояние точки. Но доказать одушевленность собаки, как доказать одушевленность какого бы то ни было существа, мы не можем. Всякое психическое состояние выражается для наблюдателя в физических актах, т. е. в таких, которые ведаются науками о материи. Психический придаток усложняет явления и никак логически не может быть выведен из физических актов. Ланге высказал, что мы можем мыслить мир совершенно такой же, как

наш, в котором бы изобретались машины, писались сочинения, велись споры, но в котором не было бы души, не было бы одушевленных существ. Несовершенство наших знаний позволяет мыслить эту возможность. Я говорю: несовершенство, — потому что только по несовершенству мы часто утверждаем возможность невозможного и отрицаем возможность действительного. Существуют машины, сами добывающие для себя питательный материал (солнечную теплоту, силу ветра, силу движущейся воды),двигающиеся, решающие алгебраические задачи, пишущие, набирающие, печатающие. Нет только машин чувствующих. Однако и здесь должно оговориться, что имеются приборы, говорящие о состоянии машины, все равно как чувства боли и довольства говорят о состоянии организма. Центробежный регулятор, показывающий, что пар в котле производит неумеренно высокое давление, — это все равно что боль от колик в желудке. Вот, говорят, мы можем мыслить мир совершенно тождественный с нашим, в котором были бы все проявления мысли, чувства и воли, но в котором не было бы ни мысли, ни чувства, ни воли. В этом тезисе несомненно ошибочен термин: тождествен. Несомненно, что психическое начало, воздействуя на материю, кладет не нее такой же неизгладимый отпечаток, какой кладет атом на другой атом, воздействуя на последний, о вечном сохранении образов какового воздействия мы говорили: вещество отпечатлевает в себе духовные состояния их носителя. Вот почему можно решительно утверждать, что образы, сохраняемые световыми лучами в пространстве, отражают в себе не только внешнюю, но и внутреннюю историю мировой жизни. Положим, вчера, прощаясь с кем либо, я высказывал ему сердечнейшие пожелания удачи, сознавая в душе, что его удача доставила бы мне искреннейшее удовольствие. Такие речи и такие чувства постоянно уживаются в мире. Размышляя о том, как отразился мой вчерашний образ в мировых пространствах, я думаю, что я являюсь там, в светлых небесных пространствах, в виде какой-то нравственной гримасы. Вибрации льстивых звуков, отражение личных мускулов, сдвинутых так, чтобы

придать лицу умильно благожелательное выражение, и находящиеся в совершенном диссонансе с этим вибрации сердечных биений, регулировавшихся темными чувствами недоброжелательства и зависти. Ведь сердце бьется иначе, когда человек говорит правду и когда он лжет. Всякий лгущий человек есть уже не вполне нормальный человек, в нем есть раздвоение, и это психическое раздвоение неизбежно влечет за собою физическое. Световые лучи отражают кривые сердечных движений, так что можно сказать, что каждое лгущее сердце вечными буквами пишет на вечном небесном покрове: я лгу, лгу, лгу.

Все увековечивается на небе. Отсюда открывается возможность увидеть все, и притом — в истинном свете. Теперь мы видим не многое, и притом если не в свете ложном, то во всяком случае — в свете далеком от того, чтобы быть безусловно истинным. Мы находим одни лица красивыми, а другие нет. Условность нашей оценки открывается уже из того, что можно всегда выбрать другую точку зрения, другое освещение, другую обстановку, и красивые лица кажутся некрасивыми, и безобразии безобразных исчезнет. Но должна быть безусловно правильная точка зрения, в которой вещи должны представляться в истинном свете. Человек «с девичьей улыбкой, с змеиной душой» не может быть в сущности красивым, совершенному глазу, смотрящему с правильной точки зрения, он должен показаться безобразным. У Гоголя в его «Страшной мести» рассказывает, как при благословении молодых святою иконою схимника забавлявший всех ражий казак вдруг превратился в безобразного старика, у него «нос вырос и наклонился в сторону, вместо карих запрыгали зеленые очи, губы засинели, подбородок задрожал и заострился, как копьё, изо рта выбежал клык, из-за головы поднялся горб, и стал казак — старик»⁵. Здесь дело не в изменении колдуна, а в просветлении очей. Сколько раз и во скольких романах встречается фраза: у него (или у нее) как бы упала повязка с глаз и он (или она) увидел. У Шиллера в его

⁵ Сочин. Гоголя. 4-е изд. наследников. 1880. Т. 1. С. 152. (Примеч. автора).

«Разбойниках» Франц Моор рассказывает о привидевшемся ему во сне страшном суде и о зеркале, которое было у одного из судей. «Зеркало это — истина; лицемерие и притворство не выдержат его отражений. И я, — говорит Моор, — утрашился, и весь народ со мною, потому что в ужасном зеркале отражались одни головы змей, тигров и леопардов»⁶.

В этом мире многое, по существу безобразное, может казаться нам красивым, привлекательным, приятным. Мы услаждаемся созерцанием окрашенных гробов, «которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мертвых и всякой нечистоты» (Мф. 27: 27). Но для усилившегося и обострившегося зрения вид внутреннего безобразия откроется через внешнюю оболочку, и весь образ предстанет во всем своем поражающем безобразии. Есть в людях нечто скрытое внутри их, что не видно в обыкновенное время обыкновенному зрению, но что иногда проникает наружу и совершенно видоизменяет их. Несдержанная злоба, низкая похоть обезображивают черты. Когда некрасивый человек воодушевляется, когда охвачен благородным порывом, он в огненной речи призывает других к благородным делам, его черты преображаются и могут становиться прекрасными. Внутренний огонь добра или зла, таящийся внутри человека, редко в обыкновенной жизни проникает наружу, но иногда проникает, и тогда мы видим истинного человека в истинном освещении. Человек с изуродованным носом или лицом отталкивает нас своею фигурою, но кто знает, если бы мы видели все существо такого человека, мы не захотели бы с ним расстаться. Поэт говорит:

Бедный ребенок, — она некрасива!
То-то и в школе и дома она
Так несмела, так всегда молчалива,
Так не по-детски тиха и грустна!

⁶ Разбойники. Третье издание под редакц. Гербеля 1883 г. Т. 2. С. 143–145. (Примеч. автора.)

Зло над тобою судьба пошутила:
Острою мыслью и чуткой душой
Щедро дурнушку она наделила, —
Не наделила одним — красотой!
Ах, красота — это страшная сила!..⁷

А между тем при правильном освещении это не красящие черты бедного ребенка могли бы оказаться исполненными неземной прелести. Нельзя безусловно думать, что все наши эстетические суждения ложны, нельзя отрицать, что даже и здесь, на земле, существует связь между красотой и добродетелью. Речи Гамлета о невозможности союза красоты и добродетели, несмотря на свой злой блеск и убийственное остроумие, представляются нам заключающими в себе менее правды, чем скромная защита этого союза, данная Офелией. И чувствуете, что пессимистически настроенный и насмешливый принц не может, в сущности, верить своим пессимистическим речам, он только хочет, чтобы кто-нибудь более сильный, чем он сам, разубедил его в них. Общечеловеческое сознание руководилось всегда в сущности той же точкой зрения, которой держалась Офелия. Но вообще теперь глаз наш и слаб, и нечист. Ему должно стать более чистым и ясным. Должно, чтобы человек, обращаясь к Богу, мог сказать вместе с псалмопевцем: «Во свете Твоем мы видим свет» (Пс. 35: 10).

Я склонен думать, что часто факт, пока он не завершился во всех своих последствиях зрением, как бы оно ни было совершенно — лишь бы не абсолютным, и не может быть воспринят в истинном свете. Есть известное автобиографическое повествование преподобного Макария о том, как он, будучи мальчиком, поднял смокву, из украденных и оброненных другими его сверстниками, и съел ее. «Когда я вспоминаю теперь об этом, —

⁷ Надсон С. Дурнушка. (Примеч. автора.)

заканчивает рассказ преподобный, — я плачу»⁸. Начало — небольшое поступление — здесь некрасиво, но это начало (малое преступление), соединенное со своим концом (великим раскаянием) — трогательно и прекрасно. Бывают и иные начала, и иные концы. Неудача в добрых предприятиях может сделать человека худшим, чем каким он был раньше своих добрых начинаний. Только в связи, в исторической целостности мы можем увидеть вещи и лица в правильном свете. От света будущего зависит освещение прошедшего. Недаром настоящие поколения хлопочут о судьбе будущих.

Мир сохраняет свою историю. Далеко-далеко от земли световые лучи представляют теперь, как образовывалась Земля, как приняла она эллипсоидальную форму, как на ней появились первые растения и животные, как появился человек, как он жил, грешил, страдал и радовался. Каждый мотив человеческого действия, каждая человеческая мысль отображены в небесных пространствах. Говорят о суде истории, о том, что завидная участь жить в памяти потомства. Но что это за суд истории?

Герои были до Атрида,
Но древность скрыла их от нас,
Что дел их не оставил вида
Бессмертный стихотворцев глас.

Суд историков, как и глас стихотворцев, ограничен, не совершен и не бессмертен. На вопрос, для верующего в истинность библейского повествования не вызывающий никаких сомнений: существовал ли Авраам? —целая плеяда историков отвечала: нет, это — миф, это — эпоха в жизни народа, олицетворенная народом в одном лице. Новые историки говорят: Авраам был, он современник Гаммураби. На вопрос: были ли Ной и потоп? — говорили: нет, это — миф, навеянный разливами Нила; те-

⁸ Макария Египетского, беседы, послание и слова. М.: Изд. Москов. Дух. Академии, 1852. (Примеч. автора.)

перь говорят: все было, Ной жил в Суруппаке близ Персидского залива. Как шатки, неустойчивы и мало обоснованы прежние отрицания и новые утверждения. И потом, если история и воссоздаст факт и установить его прочно, то мотивы действия лиц, усилиями которых создан факт, всегда определяются только проблематически. Характеристики исторических деятелей — это ведь гораздо более поэтические произведения, чем воссоздание исторической правды. Мир хранит историю Земли, но земные обитатели знают ее смутно и плохо. Откроется ли эта история когда-либо им, будут ли они снова чувствовать и переживать прожитое, не станет ли когда-либо для человеческого духа его прошлое его настоящим?

Здесь мы вступаем в область веры и гаданий. Однако и вера, и гадания могут иметь и приводить соображения в свою пользу. Прежде всего, предносятся уму соображения телеологические: зачем мир сохраняет свое прошлое, если не существуют те, которые заинтересованы в этом прошлом? Говорят, что природа не имеет целей, что телеология (учения о целях) дискредитирована. Но это — речи, которым никогда не поверит сердце, и не поверит потому, что разум безусловно не может руководиться этими речами. Разум действует по целям и в том уголку мира, который он знает, он наблюдает постепенный процесс совершенствования, для которого подсказывается естественная цель — совершенство. Разум не может примириться и с той мыслью, что вид Палестины в то время, когда по ней ходил с апостолами Божественный Спаситель мира, когда совершалось искупление, совершалось примирение Земли с Небом, что этот вид, сохраняемый миром, никогда не будет созерцаться жителями Земли. Не метафорически только, но, может быть, и буквально, в будущем кто-либо будет иметь право сказать:

Я зрю Его передо мною
С толпою бедных рыбаков;
Он тихо, мирною стезею,
Идет меж зреющих хлебов;

Благих речей Своих отраду
В сердца простые Он лиет,
И правды алчущее стадо
К ее источнику ведет.

И разрешится тоска песнопевца:

Зачем не в то рожден я время,
Когда меж нами, во плоти,
Неся мучительное бремя,
Он шел на жизненном пути!⁹

В небесных пространствах запечатлены образы материальных форм, в которых выражались наши скорби и радости; но самые скорби и радости? Самонаблюдение и самоанализ отвечают: мы храним их в глубине своего духа, храним их в своей памяти. Но вспоминать, в сущности, значит переживать. Я вспоминаю светлые минуты своего прошлого, и на моей душе становится светлее. Я вспоминаю, как я маленьким мальчиком безвинно убил цыпленка, и тяжелое чувство неловкости и виновности снова смутно поднимаются в моей душе. Кажется, вот-вот мое детство снова возвратится ко мне. Старый летописец говорит у Пушкина о своем деле ведения летописи:

На старости я сызнова живу,
Минувшее проходит предо мною.

Но переживание прошлого не то же, что жизнь в настоящем. И не потому, что прошлое воскресает в памяти недостаточно отчетливо и ярко. Если даже прошлое воскреснет в нашей памяти с той яркостью и полнотой, которыми характеризуются впечатления настоящего, оно все-таки явится иным, чем каким было некогда. К нему ведь прибавилось настоящее. Я смотрю на уголок картины и затем на всю картину, и сначала и потом я смотрю

⁹ Толстой А.К. Иоанн Дамаскин. (Примеч. автора.)

на тот же уголок, но во втором случае он представляется мне уже иным, чем прежде. Так и внутреннее переживание детства, с присоединившимися к нему юностью и зрелостью, не то же, что жизнь в детстве.

Но возможно ли самое это переживание, возможно ли воспроизведение прошедшего в памяти — не в смутном и в общем виде, а так, как это прошедшее происходило действительно? Поэты давно уже утверждают факт этой возможности. Мы имеем целый ряд созданных рукою мастеров поэтических образов, вспомилавших ясно то, что, по-видимому, было забыто безусловно. У Лермонтова в его «Мцыри» мы читаем о таких воспоминаниях. Живший в монастыре и помнивший в прошедшем лишь монастырь юный Мцыри, вырвавшись на свободу, под воздействием новых впечатлений вспоминает о самых ранних днях своей жизни.

И стало в памяти моей
Прошедшее ясней, ясней...
И вспомнил я отцовский дом,
Ущелье наше и кругом
В тени рассыпанный аул;
Мне слышался вечерний гул
Домой бегущих табунов
И дальний лай знакомых псов.
Я помнил смуглых стариков,
При свете лунных вечеров
Против отцовского крыльца
Сидевших с важностью лица;
И блеск отравленных ножен
Кинжалов длинных... и как сон
Все это смутной чередой
Вдруг пробежало предо мной.
А мой отец? он как живой
В своей одежде боевой
Являлся мне, и помнил я

Кольчуги звон, и блеск ружья,
 И гордый непреклонный взор,
 И молодых моих сестер...
 Лучи их сладостных очей,
 И звук их песен и речей
 Над колыбелию моей¹⁰...

Здесь мы имеем, что досознательный период жизни вспоминался сознательно. Что это — лживое представление не понимающего правды писателя или гениальное провидение возможного факта? Я думаю, что последнее. Очень может быть, что самого поэта не охватывали подобные воспоминания, и что он не встречался с людьми, которые могли бы сказать ему, что с ними происходило подобное. Но его поэтическая прозорливость и художественное чутье подсказали ему, что такой факт возможен, и он описал его нам, как действительность, в художественной форме. Им руководило, может быть, то бессознательное убеждение, которое другой современный ему поэт совсем с другим настроением выразил в следующих стихах:

Для сердца прошедшее вечно
 .....
 И скорбь о погибшем не есть ли, Эсхин,
 Обет неизменной надежды:
 Что где-то в знакомой, но тайной стране
 Погибшее нам возвратится?¹¹

У русских писателей последующего времени можно указать неоднократное возвращение к этой мысли о том, что прошлое цело и сохраняется. Эта мысль сквозит в стихотворении в прозе Тургенева «Стой»... «В это мгновение ты бессмертна... Это твое мгновение не кончится никогда»... Прошедшие события принимают реальный вид в «Призраках» Тургенева. Воскре-

¹⁰ Лермонтов, Мцыри. (Примеч. автора.)

¹¹ Жуковский, Теон и Эсхин. (Примеч. автора.)

сает Волга времен Стеньки Разина, и является Степан Тимофеевич. Воскресает Древний Рим. Является Цезарь и слышит: Caesar, morituri te salutamus. В небольшом рассказе о загробном суде над бедным Макаром у Короленко мы читаем, что Макар вспомнил всю свою жизнь, все свои обманы, и оказалось обманов «двадцать одна тысяча девятьсот тридцать три обмана». Недавно один английский писатель Уэльс, составляющий фантастические рассказы на естественнонаучном основании, написал повесть «Машина для перемещения во времени», т. е. машина для перемещения из настоящего в прошлое и будущее. Такой машины, конечно, никогда на самом деле не увидит человечество. Но не настанет ли никогда день, «в который воспаленные небеса разрушатся, и разгоревшиеся стихии растают» (2 Пет. 3: 12)? День, в который исчезнут теперешние пространство и время, и все бывшее станет одним настоящим.

Прошедшее возвратится. Я думаю, что каждый, по мере того как живет, более и более наблюдает это возвращение прошедшего. В первую половину жизни мысли человека постоянно обращаются к будущему, оно темно, неизвестно и поэтому заманчиво. Но по мере того как дальше и дальше проходит жизненная траектория, будущее становится более определенным, и вместе с тем оказывается, что его нельзя мыслить радужным; чем более человек будет двигаться во времени, тем более оно будет становиться бесцветным. Если в устах юного поэта странно звучат слова: «Уж не жду от жизни ничего я», — то они приобретают значительную долю правдивости в устах того, пред духовным взором которого стоит старость, пенсия и принудительная бездеятельность вследствие отсутствия силы. Тогда и даже гораздо ранее взоры человека от бесцветного будущего все более и более начинают обращаться к прошедшему. В «Гайавате» Лонгфелло мы встречаем такую картину. Старый старик и юная девушка задумчиво и безмолвно сидят пред входом вигвама. Поэт говорит о них:

Думал он — о том, что было.

А она — о том, что будет.

Этот старик и эта девушка — образы юного и старого поколений всего человечества. Юность нуждается в пророках, старость ищет летописцев. И вот — душа человека начинает поведывать ему о былом. «Тогдашнее я помню лучше, чем недавнее», — писал св. Ириной Флорину¹².

Психопатология знает болезнь, называемую гипермнезией и состоящую в ненормальном усилении памяти. Указывают примеры, когда люди вспоминали то, чего, по-видимому, они, безусловно, не могли запомнить. Пытаются даже установить нечто вроде психологического закона, по которому человеку в минуту смертельной опасности, когда он уже погибает, вспоминается вся прошлая жизнь. Это говорят о спасенных утопленных и лицах, вынутых из-под поезда. Но едва ли этот факт всеобщ. По крайней мере, из речей некоторых спасшихся можно видеть, что их мысль была занята совсем иным, а не своей историей. Затем и там, где эти воспоминания имели действительно место, вопрос в том, насколько эти воспоминания на самом деле были живы и полны, не так легко решить на основании повествования потерпевших. Позволительно вообще думать, что такие воспоминания не были феноменально полным повторением всей душевной жизни прошлого. Едва ли на Земле возможно такое расширение поля сознания и усиления его ясности. Но, с другой стороны, едва ли можно оспаривать, что не существует в жизни никакого человека такого душевного состояния, такого факта,

---

¹² Сравни Голубинского Д.Ф. памяти архиепископа Харьковского Амвросия (Душеполезное чтение. 1902. № 9). Автор приводит в этой статье изречение одного престарелого риторика: “*Ex omnibus animae partibus memoria maxime delicate et fragilis est, in quam primam senectus incurrit. Quaequaque apud illam aut puer aut juvenis deposui modo audita sine cunctatione profert. Tamen quae intra proximos annos commisi, sic perdidit ut etiamsi saepius integrantur, toties tanquam nova audiam*”. С. 34–35. (*Примеч автора.*) [Из всех частей души память — самая тонкая и хрупкая, которая первой вступает в старость. Каждый, будь то мальчик или юноша, без колебаний рассказывает то, что только что услышал. Однако то, что я совершил в течение следующих нескольких лет, было потеряно таким образом, что, хотя они часто объединяются, я слышу их как если бы они были новыми.]

который он забыл бы так основательно, что никогда и ни при каких условиях не мог бы его вспомнить. Мы все усердно забываем то, чему неусердно учимся. Очень может быть, что забытое при таких условиях и не воспроизведется в памяти, но факт сохранения его в душе доказывается тем, что при попытках снова познакомиться с позабытым позабытое учение всегда оказывает пользу и облегчает дело. То, что мы пережили и испытали, есть наше душевное достояние. Мы можем быть плохими хозяевами своего достояния, не зная его большей части, но за всем тем, оно остается нам неотъемлемо принадлежащим. Мы носим его всюду с собою неужели только затем, чтобы оно бесследно сгинуло с нашей смертью? Два основания заставляют нас отвергнуть такое предположение. Во-первых, телеологический принцип, не допускающий мысли, чтобы что-либо могло накопляться и нарастать лишь затем, чтобы исчезнуть; во-вторых, начало сохранения энергии. Раньше, чем это начало было формулировано, ученые бессознательно руководились им в своих изысканиях; и вообще для человека переход в небытие непостижим, для него гораздо более допустимой является мысль о нарастании бытия. Вольф сказал: *Nihil est sine ratione cur potius sit quam non sit*¹³, — нет ничего такого, для чего не имелось бы основания, почему должно быть предпочтительно его существование не существованию. Я не согласен с Вольфом. Относительно многих поступков моей жизни я думаю, что лучше бы было, если бы их не было. Но раз они были, они и останутся. Если желательно сохранение чего-либо, то нужно сохранение всего. Для того чтобы сохранилось раскаяние, нужно, чтобы сохранилась память о грехе. В мире физическом только исследование и изучение открыло нам, что существует нарастание, а не круговорот явлений; в мире психическом каждый этот процесс нарастания, развития, прогресса, эволюции — назовите, как хотите — наблюдал на себе и на других. Если в мире физическом

¹³ Цит. из Шопенгауэра. Собр. соч. Перевод Айхенвальда. Вып. 1. С. 6. (*Примеч. автора.*)

образ каждого положения атома сохраняется навеки, то в мире психическом должно сохраняться навеки представление каждого ощущения. Вся духовная история мира, полагаем, так же цела, как и физическая.

Как в мире физическом все явления связаны между собой, и не существует ничего особенного и разрозненного, так и в мире психическом каждая отдельная душевная жизнь состоит в связи с тысячами жизней других. Мы знаем не только свое душевное прошлое, но и душевное прошлое многих; мы знаем и переживали горести и радости своих ближних. «У меня болит твоя грудь», — писала мать своей больной дочери. Великий апостол языков писал к коринфянам: «Вы — наше письмо, написанное в сердцах наших, узнаваемое и читаемое всеми человеками» (2 кор. 3: 2). Если душевная жизнь людей оказывается взаимно связанной и переплетающейся, то тогда и воспоминания, и свет сознания могут простираться и распространяться не только в наше личное прошлое, но и на прошлое тех, с которыми приходило в соприкосновение прошлое наше личное.

И вот какая мысль предносится уму. Когда разрешатся узы временно пространственного бытия, когда это бытие перейдет в инобытие, у человеческого духа может быть откроются очи для созерцания и физического, и духовного мира. И увидит человек тогда всю свою жизнь, вспомнит каждое праздное слово, каждое помышление и движение сердца. «Тогда познаю, подобно как я познан», — говорит апостол (1 кор. 13: 12). Это не будет всеведением, не будет абсолютным знанием, но это будет новая ступень созерцания, знания и сознания, о которых лишь смутно мы можем догадываться теперь.

Вот мысли, которые, мне кажется, могут подсказываться изучением наук о материи, как равно изучением и наук о духе. Они совпадают с истинами той веры, разъяснению и обоснованию которых служит наша школа. Это вера — в личное бессмертие, в возмездие, в духовную взаимопомощь, в оправдание. Наши мысли и чувства не исчезают бесследно, мы мыслим и чувствуем совместно друг с другом, мы поддерживаем друг дру-

га и препятствуем друг другу, мы можем будущим исправлять прошедшее.

Обращаясь от этих положений к мыслям о нашей школе, день рождения которой мы сегодня празднуем, я не думаю, чтобы ее прошлое особенно нуждалось в том, чтобы быть исправленным будущим. О тех, которые служили в этой школе раньше нас, мы знаем, что они много работали, мало получали, жили в худости и бедности, с которыми теперь едва ли бы сумели примириться мы, что работали они при условиях тяжелых и на земле не получили ни венцов, ни лавров. Размышляя об этих деятелях, мы не можем отделять от них и их питомцев, которые поколение за поколением приходили сюда и затем, через четыре года, рассевались по нашей широкой, так много занимающей места на маленькой Земле, стране. Уподобим каждого человека маленькой звездочке, свет которой пропорционален духовным дарованиям человека. Такие малые огни, малые искры сначала через два года, а потом ежегодно стали рассеиваться из нашей школы по нашей стране. Доля большинства из этих деятелей была и маловидна, и незавидна. Проходили годы. Положение нашей школы и ее питомцев улучшалось. Не будем идеализировать этого положения и теперь, но, во всяком случае, теперь мы имеем гораздо больше средств и возможности для того, чтобы созидать лучшее будущее для нашей школы, чем те средства, которыми располагали предшествовавшие нам поколения деятелей этой школы. И если свет и огонь, который несли в прошлое время учителя и ученики этой школы, содействовали духовному просвещению и развитию нашего народа, то тем более вправе все ожидать, что теперь наша школа должна давать еще большую дань науке и Церкви. Вот почему с благодарностью к прошедшему в нынешний день особенно хочется присоединить надежды на светлое будущее.

Доброе будущее утверждается на добром прошедшем. Когда в свободные и бездеятельные минуты я предавался воспоминаниям о прошлом, предо мною на фоне моей собственной греховности являлось то, что я встречал и узнал доброго на своем жизненном

пути. Милые и светлые образы, благородные дела, намерения, мечты. Я нашел нечто утешительное в мысли, что все это доброе цело, вечно, что оно сохраняется в бессмертных недрах прошедшего. Эту мысль я захотел поделиться с вами ныне.

Список литературы

Исследования

1. *Глубоковский Н.Н.* Опыт русской обработки материала для жизнеописания св. Апостола Павла. Второе великое путешествие св. ап. Павла с проповедью Евангелия (Деян. XV, 40 – XVIII, 22). Опыт историко-экзегетического исследования священника Д. Глаголева. Тула 1893 // Христианское чтение. 1894. Вып. 1. Январь-февраль. С. 189–207.

2. *Казарян А.Т.* Глаголев С.С. // Православная энциклопедия. М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2006. Т. 11. С. 536–538.

Источники

3. *Глаголев С.С.* Бессмертие прошедшего. (Принцип сохранения явлений) // Богословский вестник. 1903. № 2. С. 193–225 (2 пагинация).

4. *Глаголев С.С.* Мечты о прекращении войн // Богословский вестник. 1915. Март. С. 461–497.

5. *Глаголев С.С.* Новости русской литературы по религиозно-философским вопросам // Богословский вестник. 1898. № 11. С. 276–300; № 12. С. 373–393.

6. *Глаголев С.С.* О графе Льве Николаевиче Толстом. Речь произнес. 9 ноября 1910 г. // Богословский вестник. 1910. № 11. Сергиев Посад: Тип. Свято-Троицкой Сергиевой лавры, 1911. С. 558–578 (2-я пагинация).

7. *Глаголев С.С.* Речь при погребении // Тульские епархиальные ведомости. 1916. № 31–32. 15–22 августа. С. 394–396.

8. *Зеленецкий Григорий, прот.* Речь Настоятеля Соборной Николаевской церкви протоиерея Григория Зеленецкого, произнесенная после запричастного стиха // Тульские епархиальные ведомости. 1916. № 31–32. 15–22 августа. С. 391–394.

9. Полстолетие пастырского служения (26 октября 1860 г. – 26 октября 1910 г.) // Христианин. 1910. № 10. С. 3–10. Отд.: Сергиев Посад: Тип. Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1910.

10. Протоиерей Сергей Иванович Глаголев // Тульские епархиальные ведомости (ТЕВ). 1916. № 31–32. 15–22 августа. С. 383–391.

11. Пятидесятилетний юбилей пастыря // Тульские епархиальные ведомости (ТЕВ). 1910. № 47/48. 15/22 дек. С. 887–892.

References

1. Glubokovskii, N.N. “Opyt russkoi obrabotki materiala dlia zhizneopisaniia sv. Apostola Pavla. Vtoroe velikoe puteshestvie sv. ap. Pavla s propoved’iu Evangeliiia (Deian. XV, 40 – XVIII, 22). Opyt istoriko-ekzegeticheskogo issledovaniia sviashchennika D. Glagoleva. Tula 1893” [“Experience of Russian Processing of Material for the Biography of St. Apostle Paul. The Second Great Journey of St. ap. Paul with the Preaching of the Gospel (Acts XV, 40 – XVIII, 22). Experience of Historical and Exegetical Research of Priest D. Glagolev. Tula 1893”]. *Khristianskoe chtenie*, no. 1, 1894, pp. 189–207. (In Russ.)

2. Kazarian, A.T. “Glagolev S.S.” *Pravoslavnaia entsiklopediia [Orthodox encyclopedia]*, vol. 11. Moscow, Church-scientific Center “Orthodox Encyclopedia” Publ., 2006, pp. 536–538. (In Russ.)